

УДК 340.111.52

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-518-528

Относительные субъективные права как характерная форма жизненного преломления объективного права: опыт обоснования

Трофимов В.В., Вартанян С.Г.

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, Российская Федерация
magistr.pocht@yandex.ru; Sam.vartanyan@gmail.com

Аннотация: В процессе исследования форм выражения объективного права была использована как теоретико-правовая, так и более комплексная, в частности философская, научная литература. Авторы анализируют категории объективного права, правоотношения и субъективного права в различных преломлениях и видах, находя в них области пересечения, выражения и дополнения друг друга, подчеркивают необходимость понимания правоотношения как идеальной конструкции. Наряду с этим отмечается, что субъективные права являются ключевой структурной единицей в рамках правоотношения, поскольку именно интерес, лежащий в основе субъективного права (и выдвинувшей его нормы права), в действительности является катализатором появления правоотношения. Это также подтверждается в обосновании в русле концепции естественного права, которая, хотя и не во всем доказуема, но имеет основательный научный базис, и реализация ее должна являться одной из целей любого демократического общества. Наконец, авторы подчеркивают преимущественное значение именно относительных субъективных прав в силу их наиболее естественного и социального характера.

Ключевые слова: объективное право, правоотношение, субъективное право, субъективная обязанность, относительное право, абсолютное право, интерес, коммуникация

Для цитирования: Трофимов В.В., Вартанян С.Г. 2023. Относительные субъективные права как характерная форма жизненного преломления объективного права: опыт обоснования. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 518–528. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-518–528

Relative Subjective Rights as a Characteristic Form of a Vital Refraction of Law: Experience of Justification

Vasiliy V. Trofimov, Samvel G. Vartanyan

Derzhavin Tambov State University
33 Internacionalnaya St, Tambov 392036, Russian Federation
magistr.pocht@yandex.ru; Sam.vartanyan@gmail.com

Abstract: In this article, the authors set out to investigate the forms of expression of law. Both theoretical-legal and more complex (in particular, philosophical) scientific literature was used to achieve the goals set. The authors analyze the categories of law, legal relations and subjective right in different refractions and types, finding in them the areas of intersection, expression and complement each other. Thus, the authors emphasize the necessity of understanding the legal relation as an ideal construction. At the same time, it is noted that subjective rights are the key structural unit within the legal relations, since it is the interest underlying the subjective right (and the norm of law that puts it forward) that in reality is

© Трофимов В.В., Вартанян С.Г., 2023

the catalyst for the emergence of legal relations. This is also confirmed in the justification in the vein of the concept of natural law, which, although not provable in everything, has a good scientific basis and its implementation should be one of the goals of any democratic society. Finally, the authors emphasize the superiority of relative subjective rights due to their most natural and sociable nature.

Keywords: law, legal relations, subjective right, subjective obligation, relative right, absolute right, interest, communication

For citation: Trofimov V.V., Vartanyan S.G. 2023. Relative Subjective Rights as a Characteristic Form of a Vital Refraction of Law: Experience of Justification. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 518–528 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-518–528

Введение

Практически в любой науке существует несколько базовых категорий, которые охватывают и (или) пронизывают предмет науки практически целиком. К исследованию данных категорий ученым сообществом должно прикладываться много усилий, поскольку при их изучении, изменении и (или) при отказе от них происходит развитие и совершенствование науки как таковой. К числу таких категорий в праве, думается, по заслугам относится категория субъективного права, которая встречается и используется во всех отраслях права (а потому выводы, сделанные в рамках теоретического исследования о данном предмете, применимы для всех отраслей права), а с точки зрения политико-правового контекста является путеводной звездой любого демократического общества и поэтому заслуживает отдельного и пристального внимания.

В ряду субъективных прав свое принципиально важное место занимают относительные права, природа и практические проявления которых дают основание рассматривать их во многом ключевой формой жизненного преломления объективного права (его целей, задач, миссии в социальной жизни, его нормативных моделей и пр.). Именно в относительных субъективных правах право как система норм (объективное право) получает свою жизненную правовую судьбу (правовую биографию), в них нормы объективного права находят свое продолжение, поскольку порождают круг понятных и конкретных юридических связей управомоченных с обязанными лицами, по поводу конкретных (оговоренных между субъектами правового отношения) объектов и пр. В них объективное право во многом, используя известный науковедческий термин, верифицируется (подтверждается как «верное» практикой реализации).

Выдвинем в этой связи одно из главных предположений (исследовательских гипотез) для целей настоящей статьи – относительные права являются ключевой формой выражения (преломления) и верификации объективного права – и далее попробуем это обосновать, верифицировать (и где-то «фальсифицировать»¹) конструкцию субъективных относительных прав в качестве базовой субстанции объективного права.

¹ Как известно, научная теория, научное знание могут обладать двумя свойствами – верифицируемостью и фальсифицируемостью. С одной стороны, для того, чтобы утверждение было принято за истинное, научное, его можно подтвердить положительными обоснованиями. Например, для того, чтобы сделать вывод, что на улице идет снег, можно посмотреть из окна и увидеть, что, действительно, снег идет. Таким образом, верификация есть подтверждение теории эмпирически установленными фактами. С другой стороны, иногда установление подобных эмпирических фактов может приводить к ошибочным выводам. Так, у наблюдающего может быть нарушение зрения или оптический обман от висящих у окна гирлянд. Поэтому, чтобы сделать действительно научное суждение о том, что на улице идет снег, нужно предпринять попытки к опровержению данного суждения. Например, можно позвать к окну другого человека и попросить взглянуть и подтвердить мнение наблюдавшего, можно открыть окно и посмотреть напрямую на улицу, можно вытянуть руку в окно так, чтобы снежинки оказались на руке, наконец, можно поймать снежинку на специальный прибор с сохранением нужной температуры, исследовать ее в лаборатории и прийти к выводу, что это действительно снежинка. Данный процесс называется фальсифицирование, т. е. опровержение теории, суждения эмпирическим путем. В философии науки принцип фальсификации связывается с именем К. Поппера.

Объективное право и его реализация в рамках правоотношения

Для начала стоит более точно определиться с категорией объективного права. Под правом в объективном смысле в правовой науке понимается «система общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни» [Марченко, Дерябина, 2019, с. 167]. Если упростить определение для наших целей, то объективное право является системой правовых норм, т. е. правил поведения.

Каким же образом правила поведения могут отражаться в реальной жизни? Представляется, что происходит это в первую очередь через взаимоотношения между людьми как носителями правовых статусов и соответственно обладателями тех или иных субъективных прав (абсолютных или относительных).

Как известно, право в целом является понятием идеальным. Однако оно воздействует на психику людей и побуждает действовать тем или иным образом. Один из главных столпов психологической теории права Л.И. Петражицкий писал, что именно эмоции, переживания людей являются регулятором общественных отношений [Петражицкий, 2000, с. 85.]. Даже не вдаваясь глубоко в дискуссию о природе права, можно заметить, что по крайней мере основания для подобных утверждений действительно существуют.

Само по себе право представляет собой закрепленные в том или ином виде нормы. Но проявляется право вовне в отношениях между людьми. На идеальном уровне данные отношения выражены через конструкцию правоотношения. Именно правоотношение с юридической точки зрения, определяя взаимоотношения между людьми, на первом уровне является отражением объективного права.

Дело в том, что правила поведения являются во многом метафизическим явлением и, взятые сами по себе, вне субъектов права, были бы ничем. Представим ситуацию, что какое-то из государств решило составить закон, регулирующий отношения между жителями необитаемого острова. Очевидно, что данные нормы не будут реализованы, поскольку юридические факты не будут происходить, и по сути до определенной поры нормы будут являться юридической формальностью, не имеющей практического выражения. Но как только данный остров заселят люди, начнут возникать юридические факты и между людьми станут возникать правоотношения, право в тот же момент получит пространство для выражения и начнет реализовываться. Недаром В.М. Сырых под действительным (действенным) правом понимает ситуацию, когда норма права фактически реализуется субъектами права, т. е. когда возникают правоотношения [Сырых, 2022, с. 186].

При этом необходимо отметить, что под правоотношением мы понимаем категорию именно с идеальным содержанием. Если проанализировать доктрину, то можно прийти к выводу, что существуют два понимания правоотношения:

1. С точки зрения первых ученых, правоотношение есть регулируемое правом общественное отношение. Следовательно, правоотношение включает в себя как фактическую реальность (общественное отношение), так и метафизическую (право, регулирующее это общественное отношение). Можно сказать, что данная традиция по существу берет свое начало с Ф.К. фон Савиньи, который определял данные элементы как «материю» и «юридическое определение этой материи» [Савиньи, 2011, с. 457].

2. Вторая традиция под правоотношением понимает связь прав одного лица с корреспондирующими им обязанностями другого лица (об условности данного определения по-

пера, который пришел к тому, что верификация не является исчерпывающим способом проверки научных теорий и должна обязательно подкрепляться фальсифицированием. Иначе многие астрологические, псевдонаучные суждения были бы приняты за истину (а одной из целей К. Поппера было построение демаркации между научным и ненаучным знанием). По К. Попперу, наука развивается благодаря выдвижению смелых предположений и их последующей критике путем нахождения контрпримеров [Спиркин, 2011, с. 176].

говорим ниже). Одним из представителей данного подхода в отечественной доктрине является С.Ф. Кечекьян [1958]. Следовательно, данный подход отбрасывает жизненные отношения между людьми и анализирует лишь идеальную составляющую. Согласно данной теории правоотношение индивидуализирует норму к конкретным субъектам. Так, нормы, регулирующие отношения купли-продажи, индивидуализируются в правоотношении по купле продаже между А и Б.

Оба обозначенных подхода имеют свои положительные стороны, однако явный недостаток первого подхода – невозможность объяснить процессуальные правоотношения, поскольку между субъектами до реализации нормы отсутствует «материя», фактические отношения. Субъекты вступают друг с другом в правоотношения только при появлении юридической реальности. Второй подход уводит на задний план фактическую составляющую, без которой многие юридические связи просто не могли бы мыслиться. Необходимо ориентироваться здесь некий синтез фактического и юридического. И возможно мы обнаружим его в субъективных относительных правах.

Так или иначе, мы пришли к выводу, что существует правоотношение как идеальное явление, выражающее объективное право и влияющее на действия субъектов права вовне. При этом содержанием правоотношения являются права и обязанности. Безусловно, в большинстве случаев данные категории существуют во взаимосвязи – праву корреспондирует обязанность. Но можно ли сказать, что какой-либо из элементов содержания правоотношения имеет приоритет?

Субъективное право как ключевая структурная единица правоотношения

В истории правовой науки было несколько примеров конструирования права через обязанности или смешения права и обязанности и тем самым нивелирования категории субъективного права.

Яркую попытку обоснования отсутствия субъективных прав и, следовательно, приоритета субъективных обязанностей предпринял Г. Кельзен. С точки зрения правоведа, теория права страдает дуалистическим методом мышления, который применяется также в разграничении права на объективное и субъективное. В частности, Г. Кельзен считает, что субъективное право в действительности является отражением обязанности, то есть создается «видимость двух юридически релевантных положений дел [права и обязанности] там, где реально наличествует лишь одно [обязанность]». Г. Кельзен считает субъективные право и обязанность настолько корреспондирующими друг другу, симметричными, что все можно описать через обязанность, а она, по теории ученого, является нормой для данного обязанного лица, связывающей его противоположное поведение возможной санкцией [Кельзен, 2015, с. 165].

При этом слабым местом в теории Г. Кельзена является возможность распоряжения. Ведь вне зависимости от того, как описывать обязанности, ими невозможно описать возможность распоряжения правами управомоченного лица, поскольку это – сфера его собственного усмотрения, от которого зависит возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Также, например, если рассмотреть право на защиту, то очевидно, что реализация данной субъективной возможности зависит только от управомоченного лица и никакими обязанностями данную субъективную возможность описать не удастся.

Другой ученый, отрицающий ключевое значение субъективных прав, – Л. Дюги. Генеральной идеей в концепции Л. Дюги является идея социальной солидарности, согласно которой все общество взаимосвязано в силу общих потребностей и разделения труда [Нерсисянц и др., 2004]. В отношении субъективных прав можно привести следующий пример: на первый взгляд, хозяин булочной – хозяин своего предприятия и вправе по своему усмотрению дать работникам выходной или закрыть предприятие, однако, если на весь город одна булочная, то при предоставлении собственнику булочной такой возмож-

ности город на какой-то момент окажется без хлеба. Л. Дюги не отрицает субъективное право в принципе, а предлагает его ограничить, устранить диспозитивность, потому что права предоставлены для чего-то, у них есть определенные функции. Таким образом, ученый видит право одновременно и обязанностью, и в определенном смысле для Л. Дюги все субъективные права моделируются по образцу того, что Р. фон Иеринг именовал «рефлексами» объективного права [Третьяков, 2022, с. 241]. Как считал ряд ученых, данная теория во многом стала основой для известной ст. 1 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, в которой говорилось о том, что права охраняются законом, если они осуществляются в соответствии с их социально-хозяйственным назначением [Грибанов, 2022, с. 68].

На первый взгляд может показаться, что теория Л. Дюги звучит довольно убедительно и вызвана реальными жизненными потребностями начала XX века, однако ключевым недостатком в теории представляется источник определения самих социальных функций прав. Если их определяет государство или кто-то иной, помимо самого управомоченного лица, то это может привести к созданию авторитарного или даже тоталитарного общества.

Наконец, в дополнение к проводимым рассуждениям (и подводя читателя к основному предмету изучения) рассмотрим теорию видного немецкого ученого конца XIX – начала XX веков А. Тона, который является родоначальником теории императивов в праве. Согласно ученому, право можно описать с помощью запретов и предписаний (обязанностей)¹. Ученый пытался показать, что право регулирует отношения между людьми, а поэтому, наложив обязанности на третьих лиц или конкретно обязанных лиц, законодатель будет обеспечивать зону свободы для управомоченного лица, притязание которого будет возникать только в случае нарушения обязанности [см.: Тон, 2013].

Теория А. Тона также не позволяет элиминировать конструкцию субъективного права, поскольку так же, как и в теории Г. Кельзена, слабым местом являются распорядительные возможности субъекта. В связи с тем, что лицо вправе само решать, подавать или не подавать иск, акцептовать или не акцептовать оферту, данные правомочия не могут описываться исключительно с помощью обязанностей иных лиц. Для уточнения отметим, что претерпевание акцепта не является обязанностью, поскольку лицо не может ничего нарушить, а может только претерпевать реализацию секундарного права управомоченным лицом [Лейст, 1962].

Как пишет Н.И. Матузов, в советский период также предпринимались попытки отвергнуть категорию субъективного права как устаревшую и ненужную науке, а в отдельных учебниках его именовали «правомочием». Однако в дальнейшем данные попытки не получили поддержки [Матузов, 1999, с. 131].

Таким образом, ни одна из проанализированных теорий не может свести субъективное право к обязанностям. Главное, что необходимо вынести из анализа подобных теорий, это то, что объективное право способно себя проявить в полной мере только через феномен субъективных прав (и прежде всего, прав относительных). Можно ли все право описать с помощью субъективных прав? Разумеется, нет, поскольку поведение обязанных лиц в относительных правах довольно сложно описать без субъективной обязанности одним лишь рефлексом нормы права (полагаем, что скорее всего, такой подход может быть применим при описании абсолютных прав).

Несмотря на это именно субъективное право практически всегда имеет приоритет в правоотношении и является первоочередным элементом по отношению к обязанностям. Разглядеть это можно как в Конституциях всех стран, так и в отдельных отраслях, где конституционные нормы находят специальное применение.

¹ Для простоты исследования примем за должное, что запрет вытекает из обязанности (т. е. запрет совершать убийство вытекает из обязанности не нарушать право на жизнь других лиц), поэтому далее будем оперировать именно категорией обязанности.

Так, как известно, Конституции многих стран содержат разделы, посвященные правам, свободам и обязанностям человека и гражданина. При этом во всех известных авторам Конституциях именно права и свободы занимают большую часть раздела, а обязанности, наоборот, представляют собой лишь незначительный перечень, среди которых обычно обязанности уплачивать налоги, защищать отечество и т. д. То есть, согласно Конституции, при конструировании правоотношений государство в первую очередь исходит из субъективных прав. При этом даже при установлении обязанностей государство делает это не просто так, а для каких-то целей, защищая какие-либо интересы. Например, при установлении обязанности защищать Отечество государство защищает публичный интерес по безопасности¹. Таким образом, данное правоотношение можно представить как право государства против обязанности гражданина, в котором именно субъективное право имеет приоритет и является катализатором возникновения правоотношений, ведь если бы общество (чьи интересы представляет государство) не нуждалось в защите и безопасности, никто и не был бы заинтересован в установлении обязанности по защите отечества.

Далее рассмотрим регулирование в более частных отраслях права. Наиболее просто понять приоритет субъективных прав в гражданском праве. Пожалуй, это единственная отрасль права, построенная на классификации субъективных прав²: например, вещное право, обязательственное право, интеллектуальное право, наследственное право. Именно по данной категоризации строится пандектная система гражданского права и поэтому очевидно, что обязанности вытекают из субъективных прав (например, обязанность по ненарушению чужого права собственности существует не просто так, а исходя из необходимости для правопорядка охранять полное господство собственника над вещью).

При этом в других отраслях права приоритет также имеют субъективные права. Например, в трудовом праве обязанности работодателей изначально конструировались (преимущественно, еще в начале XX века) для защиты интересов работников, как менее защищенного класса. То есть государство осуществляло своего рода патерналистскую функцию.

Если взять уголовное право, то на первый взгляд оно состоит практически из одних обязанностей, запрещающих совершение каких-либо действий. Однако в действительности все данные обязанности первоначально вызваны интересами общества и, следовательно, государства на сохранение безопасности в тех или иных сферах жизни. Например, запрет на совершение налоговых преступлений корреспондирует праву общества и государства на получение налогов, которое предусмотрено для реализации социально-значимых проектов и удовлетворения иных публичных интересов.

Аналогичным образом во всех других отраслях права ключевым приоритетом и отправной точкой является субъективное право, поскольку в абсолютном большинстве случаев³ оно содержит в себе интерес, который поощряется и защищается законодателем.

Наконец, в пользу такого подхода говорит теория естественного права. Хотя некоторые постулаты данной концепции трудно доказуемы (например, заключение общественного договора при создании государства), ряд положений заслуживает полной поддержки. Среди таких положений – тезис о том, что некоторые права являются естественными и существуют вне зависимости от их признания государством. Иначе, если придерживаться позитивистского подхода, то можно прийти к признанию тоталитарного общества, в котором государство может устанавливать любые античеловечные законы по своему усмотрению. Недаром римляне говорили *ius est ars boni et aequi* (право есть искусство добра и

¹ Оговоримся, что мы не поддерживаем в полной мере идею Л. Дюги о социальных функциях. Речь лишь о том, что субъективное право в абсолютном большинстве случаев содержит в себе интерес.

² Если брать, конечно, не институциональную систему (поскольку при ее зарождении субъективных прав не было, а были только иски), а пандектную.

³ Мы делаем такую оговорку, поскольку бывают случаи, когда при отсутствии интереса лицу предоставлены субъективные права (например, право на наследование предоставлено лицу, хотя пассивов в наследстве больше, чем активов).

справедливости), значит любой закон необходимо оценивать с точки зрения двух данных критериев, и все, что не есть добро и справедливость, то не является правом. К слову, по этому мы поддерживаем позицию Д.Д. Гримма о том, что субъективное право не является исключительно продуктом объективного права [Гримм, 2022].

Таким образом, с помощью методов верификации и фальсификации мы показали, что объективное право проявляется вовне (как на идеальном, так, пожалуй, и на материальном уровне) посредством конструкции правоотношения. При этом в рамках правоотношений именно субъективное право, а не обязанность, имеет приоритет и обуславливает структуру правоотношения (например, субъектов, объект и т. д.).

Относительные права как приоритетный вид субъективных прав

Как известно, субъективные права бывают разных видов, и поэтому логически может вытекать следующий вопрос: если субъективные права являются ключевой формой верификации объективного права, можно ли выделить какой-нибудь наиболее естественный или преимущественный вид субъективных прав? Представляется, что на данный вопрос можно ответить утвердительно.

В теории права субъективные права по критерию определенности обязанных лиц делятся на абсолютные и относительные. Субъекту абсолютного права противостоит «всякий и каждый». Субъект относительного права, в свою очередь, состоит в правоотношении, имеет в качестве обязанного одно или несколько строго определенных лиц. В качестве ключевого примера абсолютного права обычно приводится право собственности, а в качестве примера относительного права – обязательственное право из договора. При этом из данного деления обычно делается вывод, что абсолютное право может нарушить кто угодно, а относительное право – только одно или несколько заранее определенных лиц [Эннексерус, 1949, с. 274; Гонгало и др., 2017, с. 83].

На первый взгляд данное деление звучит довольно логично и убедительно. Но попробуем рассмотреть существо абсолютного права и структуру правоотношений, в которых они находятся. Так, субъекту права собственности противостоит всякое третье лицо. Это означает, что с правовой точки зрения существуют отношения между незнакомыми друг другу лицами, которые могут даже находиться на разных континентах. Во-первых, данная конструкция накладывает обязанности на лиц, которые даже могут не иметь представления о наличии правоотношений. Например, лицо, проживающее в России, не может знать о том, что пара итальянцев на свадьбу получили в подарок набор антикварной посуды, однако вне зависимости от этого знания, лицо будет обязано по отношению к новым собственникам – итальянским молодоженам. Во-вторых, посредством выделения правоотношения, например, собственника со всяким третьим лицом создается фиктивная конструкция. Как мы указывали ранее, мы полагаем, что правоотношение представляет собой во многом юридическую, идеальную связь, однако невооруженным глазом видно, что конструкция абсолютных правоотношений значительно усложняет правовую действительность и делает значительно более сильным разрыв между фактическими общественными отношениями и правоотношениями.

Как же обстоит дело с относительными правами? Относительные права и, следовательно, относительные правоотношения представляют собой связь между строго определенными лицами, стороны которых в абсолютном большинстве случаев знают о существовании правоотношения и о субъектах правоотношения. Поэтому, как представляется, именно относительные субъективные права являются наиболее естественными и непротиворечивыми субъективными правами.

Еще в античности школа софистов большое внимание уделяла человеку, субъективизму. Во времена софистов субъективизм в Греции развился во всех проявлениях греческой жизни – и в философии, и в искусстве [Ягодинский, 1906, с. 5]. Великий софист Про-

тагор говорил, что человек есть мера всех вещей. Хотя данное изречение в основном посвящено познанию и не сильно связано с относительными правоотношениями, можно сказать, что софисты стали одними из основоположников антропоцентричной философии, которая во многом побудила к изучению человека и человеческих взаимоотношений, которые и представлены в учении об относительном правоотношении и отличают его от абсолютного правоотношения, в котором как таковое взаимодействие людей отсутствует.

Основы для преимущественности относительных правоотношений (их ядре в виде относительных субъективных прав) можем найти также и в других областях философского знания. В различное время ученые изучали взаимодействие между людьми.

Так, известный немецкий философ К. Ясперс указывал, что коммуникация составляет всеохватывающую сущность человеческого бытия. Вне коммуникации, считает ученый, немислима и человеческая свобода со всеми ее степенями. Все, что есть человек и что есть для человека, обретается прежде всего в коммуникации [приводится по: Спиркин, 2011, с. 168]. Таким образом, коммуникация по К. Ясперсу является основным феноменом и условием человеческого существования.

К. Ясперс говорит, что человеческий разум требует беспредельной коммуникации, поскольку только в коммуникации, при взаимодействии экзистенций может быть открыта истина. Философ сравнивает две веры: веру в Бога и веру в философию. Первую он описывает, как удаление от людей в поиске абсолютной истины, характеризующуюся как замкнутая монада, что никто не может выйти из себя, а коммуникация есть иллюзорная идея. Веру в философию К. Ясперс синонимизирует с верой в коммуникацию и характеризует с помощью двух положений: 1) истина это то, что объединяет людей, и 2) в коммуникации содержатся истоки истины. Философ считает, что при объединении людей находится истина, которая не может быть достижима и теряется в изоляции, своеволии и замкнутом одиночестве [Ясперс, 1991, с. 442].

Если попробовать развить учение К. Ясперса для нашей сферы, то окажется, что абсолютные права (хотя они и являются бесспорными и, безусловно, важными) имеют второстепенное значение, поскольку для их осуществления или в их содержании не требуется или не наблюдается коммуникация между людьми, которая необходима для поиска и достижения истины. Взаимодействие людей применительно к абсолютным правам может произойти только при нарушении абсолютного права (фактически такая ситуация будет влечь возникновение относительных правоотношений). Относительные права, напротив, как раз в своем содержании предусматривают коммуникацию, взаимодействие людей.

Похожий подход можно наблюдать во взглядах ключевой фигуры для символического интеракционализма Дж. Мида. Ученый полагал, что человек развивается и приобретает свое истинное лицо лишь в социуме, при взаимодействии с другими личностями. Социальное целое в концепции философа первично по отношению к индивидуальному разуму, сначала идет социальная группа, и она приводит к мыслительному потоку самосознания [Ритцер, 2002, с. 243]. «Самость» (т. е. самостоятельность, индивидуальность) индивида может возникнуть только в рамках общества, поскольку она предполагает социальный процесс, коммуникацию между людьми. В отсутствие социального опыта возникновение «самости» представить невозможно [Ритцер, 2002, с. 252].

Для осознания важности социального опыта представим себе следующую ситуацию: в новообразованном государстве законодатель плохо защитил относительные права. Что может произойти с таким обществом? Представляется, что из-за отсутствия регулирования относительных прав количество социальных взаимодействий между людьми будет минимально, а социализация будет происходить только в рамках семьи. Подобная ситуация может привести к созданию сильно отстающего общества как с экономической, так и с социальной точек зрения.

Наконец, рассмотрим учение Р. Штаммлера – известного немецкого юриста и философа права. Он полагал, что цель права состоит в регулировании совместного поведения

членов общества, которое направлено на удовлетворение потребностей [Козлихин и др., 2007, с. 367]. Философ подчеркивал, что коммуникация является единственной идеей, безусловно действительной для всякого права [Штамлер, 1908, с. 75]. Р. Штамлер считал, что справедливое право – это специальным образом построенное положительное право. К справедливому праву, по мнению Р. Штамллера, относятся те положения, которые обладали свойством формальной справедливости. Это свойство он видел в тех правовых нормах, чье содержание соответствовало социальному идеалу, который Р. Штамлер мыслил в идее человеческого общения или социальной коммуникации (лежащей, по Р. Штамллеру, в основе понятия права) [Козлихин и др., 2007, с. 367].

Таким образом, по философии Р. Штамллера относительные права также имеют приоритет, поскольку обеспечивают совместное взаимодействие между людьми, которое направлено на удовлетворение их потребностей.

Заключение

В итоге на основе проведенных последовательных размышлений резонно сделать исследовательский вывод, что объективное право из абстрактной формы становится правовой реальностью, включаясь в системы общественных связей, преобразуясь в форму правовых отношений и в реальных правовых связях получая свою жизненную данность. Но при этом на глубинном уровне (содержательном уровне) индикацией (формой индикации, верификации, реального проявления) объективных правовых моделей становятся не столько юридические обязанности, сколько субъективные права, причем те из них, которые имеют относительную природу, вытекая из установленных договорных и прочих взаимнообязательственных отношений, где на одной стороне лицо обязанное, а на другой – управомоченное лицо, и наоборот, при этом понятно, с чем конкретно связаны те или иные обязательства и корреспондирующие им субъективные права лиц. В таких отношениях объективное право как бы «разливается» в социальных ситуациях, становится тканью общественных отношений, и в этом заключаются социальные сила и значение относительных прав, определяющих «действительность» права как такового (объективного права).

Список источников

- Гражданское право. 2017. В 2 т. Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. М., Статут, 511 с.
История политических и правовых учений. 2004. Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., Норма, 944 с.
История политических и правовых учений. 2007. СПб., Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета, СПбГУ, 856 с.
Марченко М.Н., Дерябина Е.М. 2019. Теория государства и права. М., Проспект., 432 с.
Спиркин А.Г. 2011. Философия. М., ИД Юрайт, 828 с.

Список литературы

- Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб., ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 542 с.
Грибанов В.П. 2022. Осуществление и защита гражданских прав. М., Статут, 414 с.
Гримм Д.Д. 2022. Юридическое отношение и субъективное право. *Вестник гражданского права*, 2: 136–174.
Кечекьян С.Ф. 1958. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Издательство АН СССР, 187 с.
Матузов Н.И. 1999. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 4(227): 129–143.
Петражицкий Л.И. 2000. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 608 с.
Ритцер Дж. 2002. Современные социологические теории. СПб., Питер, 688 с.
Тон А. 2013. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права (часть пятая). *Вестник гражданского права*, 1: 241–280.

- Третьяков С.В. 2022. Д.М. Генкин, дискуссия об абсолютных правах вне правоотношений и некоторые вопросы классификации субъективных гражданских прав. *Вестник гражданского права*, 4: 151–188.
- Третьяков С.В. 2022. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 495 с.
- Савиньи Ф.К. фон. 2011. Система современного римского права. Т. I. Пер. с нем. Г. Жигулина; род ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 510 с.
- Сырых В.М. 2022. Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. 1: Объективное право и формы его выражения. М., Юрлитинформ. 568 с.
- Штаммлер Р. 1908. Сущность и задачи права и правоведения. М., Тип. т-ва И.Д. Сытина, 166 с.
- Эннекцерус Л. 1949. Курс германского гражданского права. М., 431 с.
- Ягодинский И.И. 1906. Софист Протагор. Казань. Типо-литография Императорского Университета, 35 с.
- Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М., Политиздат, 527 с.

References

- Kel'zen Gans. 2015. *CHistoe uchenie o prave* [Pure doctrine of law]. Translated from German. M.V. Antonova i S.V. Lëzova. SPb., Publ. Alef-Press, 542 p.
- Gribanov V.P. 2022. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav* [Implementation and protection of civil rights]. М., Statut, 414 p.
- Grimm D.D. 2022. *YUridicheskoe otnoshenie i sub"ektivnoe pravo* [Legal attitude and subjective law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2: 136–174.
- Kechek'yan S.F. 1958. *Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve* [Legal relations in a socialist society]. М., Publ. AN SSSR, 187 p. (in Russian)
- Matuzov N.I. 1999. *O prave v ob"ektivnom i sub"ektivnom smysle: gnoseologicheskij aspekt* [On law in the objective and subjective sense: the epistemological aspect]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 4 (227): 129–143.
- Petrazhickii L.I. 2000. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [The theory of law and the state in connection with the theory of morality]. SPb., 608 p.
- Ritser Dzh. 2002. *Sovremennye sociologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. SPb., Publ. Piter, 688 p.
- Ton A. 2013. *Pravovaya norma i sub"ektivnoe pravo. Issledovaniya po obshchej teorii prava (chast' pyataya)* [Legal norm and subjective law. Research on the general theory of law (part five)]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 1: 241–280.
- Tret'yakov S.V. 2022. D.M. Genkin, diskussiya ob absolyutnyh pravah vne pravootnoshenij i nekotorye voprosy klassifikacii sub"ektivnyh grazhdanskih prav [D.M. Genkin, discussion on absolute rights outside legal relations and some issues of classification of subjective civil rights]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 4: 151–188.
- Tret'yakov S.V. 2022. *Development of the doctrine of subjective private law in foreign civil law: diss. ... doctors of law. sciences'*. М., 495 p. (in Russian)
- Savin'i F.K. fon. 2011. *Sistema sovremennogo rimskogo prava*. [The system of modern Roman law]. Vol. I. Translated from German G. ZHigulina; ed. O. Kutateladze, V. Zubarya. М., Publ. Statut, 510 p. (in Russian)
- Syryh V.M. 2022. *Osnovy materialisticheskoi teorii prava* [Fundamentals of the materialistic theory of law]: in 4 vol. Vol. 1: *Ob"ektivnoe pravo i formy ego vyrazheniya*: Objective law and the forms of its expression. М., Publ. YUrlitinform, 568 p.
- SHTammmler R. 1908. *Sushchnost' i zadachi prava i pravovedeniya* [The essence and tasks of law and jurisprudence]. М., Publ. Printing house of the I.D. Sytin partnership, 166 p.
- Ennekcerus L. 1949. *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [Course of German civil law]. М., 431 p.
- YAgodinskij I.I. 1906. *Sofist Protogor* [The sophist Protagoras]. Kazan', Publ. Typo-lithography of the Imperial University, 35 p.
- YAspers K. 1991. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Translated from German. М., Publ. Politizdat, 527 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 14.03.2023
Поступила после рецензирования 30.03.2023
Принята к публикации 18.04.2023

Received March 14, 2023
Revised March 30, 2023
Accepted April 18, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия.

Вартанян Самвел Гарикович, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasiliy V. Trofimov, Doctor of Law, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia.

Samvel G. Vartanyan, PhD student of the Department of Theory and History of State and Law, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia.